37(092) УШИНСКИЙ
Е572

К. Ельницкій.

К. Д. УШИНСКІЙ.

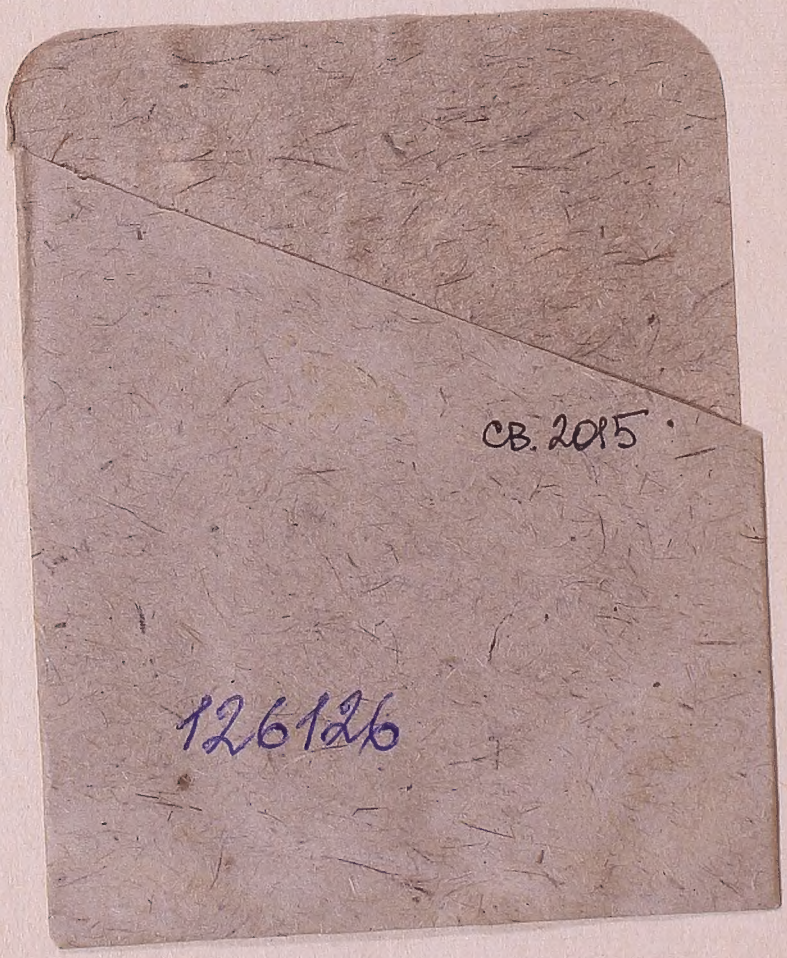
жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды.

публичной лекціи, прочитанной въ пользу Общества вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ Акмолинской области.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1903.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.


св. 2015

126126

К. Ельницкій.

37(092) Ушинск
Е572
6
921
У 94

К. Д. УШИНСКІЙ.

Его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды.

Изъ публичной лекціи, прочитанной въ пользу Общества вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ Акмолинской области.

126126.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1903.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА им. А. С. Пушкина
№

93

921+371.

Дозволено цензурою. СПБ. 28 Марта 1902 г.

I.

У небогатаго, но довольно образованнаго помѣщика Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Димитрія Григорьевича Ушинскаго, родился въ 1824 году сынъ Константинъ, тотъ самый, который впослѣдствіи положилъ начало русской педагогической наукѣ, который своими умными, горячими статьями и своимъ живымъ словомъ будилъ въ русскомъ обществѣ педагогическую мысль, который своимъ «Роднымъ словомъ» сдѣлалъ первоначальное обученіе изъ «горькаго», тяжелаго — «сладкимъ», который своимъ «приложеніемъ» къ «Родному Слову» раскрылъ русской матери и русскому учителю тайну легкаго и успѣшнаго начальнаго обученія и который, наконецъ, своею «Педагогическою антропологіею» («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія») указалъ учащимъ и воспитывающимъ, гдѣ слѣдуетъ искать основъ для рѣшенія учебно-воспитательныхъ вопросовъ.

Свое дѣтство Константинъ Димитріевичъ провелъ въ родной семьѣ, гдѣ все благопріятствовало образованію въ дитяти тѣхъ добрыхъ впечатлѣній, которыя, какъ извѣстно, оказываютъ значительное вліяніе на весь душевный строй человѣка.

Первыя десять лѣтъ своей жизни Константинъ Димитріевичъ провелъ подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ матери, женщины умной и доброй. Она не только воспитывала, но и обучала своего сына и, руководясь материнскимъ чувствомъ, самое обученіе сдѣлала для него воспитывающимъ: она пробудила въ немъ любознательность, пытливость и любовь къ чтенію. Несомнѣнно, что въ первыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства Ушинскаго лежитъ основаніе тѣхъ идей о роли женщины, какъ воспитательницы, которыя онъ съ такимъ жаромъ высказывалъ въ періодъ своей педагогической дѣятельности. «Я желалъ бы отъ всей души», говоритъ онъ, «чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ школъ для дѣтей, не могущихъ по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ крайней необходимости». (Руководство къ преподаванію по «Родному Слову»).

Родной семьѣ, простой, религіозной и строго выполняющей всѣ установленные въ православной церкви обряды, Константинъ Димитріевичъ обязанъ своимъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, которое освѣщало его педагогическую дѣятельность, поддерживало его въ этой дѣятельности и отразилось во многихъ мѣстахъ его сочиненій. «Обряды нашей право-

славной церкви», говоритъ онъ, «имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ... Всякій, получившій чисто-русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы Великаго поста и Страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто-русскаго семейства». («О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»). Едва ли можно усомниться въ томъ, что милые, живо интересующіе дѣтей разсказы о сочельникѣ, о праздникахъ Рождества Христова, Крещенія, Новаго года, о масленицѣ, Великомъ постѣ, Страстной недѣлѣ и т. п. навѣяны составителю «Родного Слова» впечатлѣніями его дѣтства.

Немаловажное вліяніе на Ушинскаго оказала и окружавшая его въ дѣтствѣ природа. Усадьба Ушинскихъ находилась вблизи Новгородъ-Сѣверска, на высокомъ берегу рѣки Десны, живописно изрытомъ оврагами. При домѣ находился большой тѣнистый садъ, а изъ оконъ дома открывалась живописная картина противоположнаго берега Десны. Картины и явленія природы будили мысль ребенка и развивали въ немъ эстетическое чувство. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Боже мой! Сколько перемечталось на прекрасномъ берегу Десны, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ рѣкою! какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта... Какія впечатлѣнія могутъ быть даны въ замѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ воспитывающихъ душу впечатлѣній природы?»

Доказывая воспитательное значеніе природы, онъ, между прочимъ, говоритъ: «А воля, а просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги, колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію воспитателя; что день, проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы — что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ»...

Въ 1835 году умерла мать Константина Димитріевича, и отецъ его вскорѣ вступилъ во второй бракъ. Мачеха была лучшимъ другомъ Константина Димитріевича и замѣняла ему мать. Этимъ объясняется, что Ушинскій всегда съ горячею любовью вспоминалъ о родной семьѣ. Въ томъ же году одиннадцатилѣтній Ушинскій поступилъ по экзамену въ 3-ій

классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Онъ скоро сдружился съ своими одноклассниками, которые были большею частію старше его и принадлежали къ малосостоятельной средѣ, не дворянскаго происхожденія. Ушинскій съ удовольствіемъ посѣщалъ своихъ бѣдныхъ товарищей. Ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнія и привычки были для него своего рода новой школой.

Ушинскій былъ не изъ прилежныхъ гимназистовъ. Онъ хотя и переходилъ изъ класса въ классъ, но этимъ обязанъ былъ главнымъ образомъ своимъ выдающимся способностямъ. Большую часть времени онъ посвящалъ чтенію книгъ изъ отцовской библіотеки и обдумыванію прочитаннаго. Бывало заберется онъ въ самое укромное мѣсто сада и здѣсь, никѣмъ не тревожимый, читаетъ, или отдается ходу возникающихъ въ немъ по поводу прочитаннаго мыслей. Въ послѣдніе два года пребыванія въ гимназіи Ушинскій почти самостоятельно изучилъ нѣмецкій языкъ настолько, что свободно и даже съ увлеченіемъ читалъ нѣмецкихъ писателей. Особенно любилъ онъ читать Шиллера. Не получивши аттестата объ окончаніи гимназическаго курса, Ушинскій лѣтомъ въ 1840 году прилежно занялся учебными предметами и успѣшно сдалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, куда и поступилъ на юридическій факультетъ, одновременно съ своими товарищами по гимназіи.

Начальникомъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи въ то время, когда обучался въ ней Ушинскій, былъ глубоко религіозный и преданный наукѣ старикъ Тимковскій. Онъ старался и въ своихъ ученикахъ заложить эти качества. И ученики съ уваженіемъ относились не только къ ученымъ представителямъ науки, но даже и къ тѣмъ изъ товарищей, которые съ любовью занимались хоть какой-нибудь одной наукой. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, Ушинскій, уже ознакомившійся съ многими другими столичными и провинціальными учебными заведеніями, съ признательностью вспоминалъ о своей гимназіи. Онъ сознавалъ и ея недостатки, сознавалъ, что ученики мало выносятъ знаній, но не могъ не признать, что значительная часть ихъ выносила стремленіе къ самоусовершенствованію, что, несомнѣнно, очень важно.

Вспоминая о своемъ директорѣ Тимковскомъ, Ушинскій восклицаетъ: «Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба, служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую, святыню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ учителяхъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ... Когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не

совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... О, тогда я оцѣнивалъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Феодоровича (Тимковскаго), и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашъ почтительный страхъ, овладѣвавшій нами при словѣ: «*университетъ*»!

Изъ сказаннаго легко заключить, что Ушинскій явился въ университетъ совершенно подготовленнымъ и къ слушанію профессорскихъ лекцій, и къ самостоятельнымъ занятіямъ университетской наукой.

Пребываніе въ университетѣ было полнымъ расцвѣтомъ духовныхъ силъ юнаго Ушинскаго. Выработавши въ себѣ, путемъ серьезнаго чтенія и внутренней переработки воспринимаемаго, способность къ вдумчивости и умственной самодѣятельности, Ушинскій и въ университетѣ не пассивно воспринималъ содержаніе профессорскихъ лекцій, а внутренно перерабатывалъ сообщаемое съ профессорской каѳедры и такимъ образомъ расширялъ свой умственный горизонтъ.

Ушинскому пришлось проходить университетскій курсъ въ одинъ изъ лучшихъ періодовъ жизни Московскаго университета. Благодаря энергичному участію мѣстнаго попечителя, графа Строганова, составъ профессоровъ университета обновился молодыми учеными, преданными наукѣ. Изъ такихъ профессоровъ особенно сильное вліяніе оказывали на студентовъ профессоръ исторіи Грановскій и профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія Рѣдкинъ. Послѣдній, сознавая, что безъ философскихъ основъ не мыслимо сколько-нибудь основательное изученіе права, значительную часть своего курса посвящалъ исторіи философіи, что будило мысль слушателей и питало ихъ любознательность. Часто послѣ профессорской лекціи происходилъ между студентами самый оживленный обмѣнъ мыслей, при чемъ голосъ Ушинскаго, какъ особенно даровитаго студента, игралъ выдающуюся роль. Нерѣдко Ушинскому приходилось развивать передъ товарищами ту или другую философскую систему, не вполнѣ усвоенную ими со словъ профессора.

Интересуясь предметами своей спеціальности, Ушинскій не менѣе интересовался и изящною словесностью, какъ отечественною, такъ и нѣмецкою.

Онъ не только читалъ, но и изучалъ поэтическія произведенія отечественной и нѣмецкой литературы. Далѣе, онъ увлекался и театромъ. Онъ смотрѣлъ на сценическія представленія, какъ на одно изъ средствъ къ духовному усовершенствованію. Такой взглядъ тѣмъ болѣе имѣлъ мѣсто, что въ то время на московской сценѣ подвизались такіе даровитые артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ. Увлеченный игрою послѣдняго, онъ даже составилъ для его бенефиса шестиактную трагедію. Мочаловъ прослушалъ нѣсколько сценъ трагедіи Ушинскаго и нашелъ ее неподходящей для сцены. Это, конечно, не мало смутило юнаго Ушинскаго. Но впослѣдствіи онъ самъ вспоминалъ о своей трагедіи не иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ.

Въ теченіе всего пребыванія въ университетѣ Ушинскій давалъ частные уроки, такъ какъ вслѣдствіе упадка матеріальныхъ средствъ отца, изъ дому не всегда высылали сумму, нужную для покрытія самыхъ настоятельныхъ нуждъ.

Въ такихъ разнообразныхъ и живыхъ занятіяхъ протекли четыре года университетской жизни Ушинскаго. Онъ, будучи 20 лѣтъ отъ роду, въ 1844 году блестяще окончилъ курсъ юридическихъ наукъ.

Вскорѣ по окончаніи курса наукъ Ушинскій, благодаря лестной аттестаціи Московскаго университета, получилъ предложеніе занять каѳедру по энциклопедіи законовѣдѣнія и финансовому праву въ Ярославскомъ лицеѣ. Съ юношескимъ пыломъ юный профессоръ отдался профессорской дѣятельности. Онъ очень усердно готовился къ своимъ лекціямъ и мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, убѣдительно. Онъ увлекался самъ и увлекалъ своихъ слушателей. Студенты полюбили своего талантливаго профессора, и занятія его въ лицеѣ шли успѣшно. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, не находя возможнымъ связывать себя такими формальностями въ дѣлѣ преподаванія, которыя, по его словамъ, «въ состояніи были убить живое дѣло преподаванія», онъ оставилъ Ярославскій лицей. Студенты упрашивали его не покидать ихъ, ради пользы ихъ самихъ и того дѣла, которому онъ служилъ. Но Ушинскій рѣшился уйти и ушелъ (въ 1850 г.), оставивши по себѣ глубокую память въ сердцахъ студентовъ.

Прибывши въ Петербургъ, онъ не могъ найти себѣ мѣста преподавателя не только въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, но даже въ уѣздномъ училищѣ. Выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. И долженъ былъ Константинъ Димитріевичъ сдѣлаться департаментскимъ чиновникомъ. На первыхъ порахъ своей службы въ департаментѣ, Ушинскій, по живости своего ума, не удержался отъ излишней откровенности и сострилъ на счетъ своего старшаго сослуживца, чѣмъ и возстановилъ его противъ себя.

Недоброе чувство сослуживца тяжело отразилось на Ушинскомъ, когда бывшій сослуживецъ занялъ высокій постъ.

Служба въ департаментѣ давала Ушинскому всего только 400 рублей въ годъ. Понятно, что этой суммы было недостаточно для жизни въ Петербургѣ, особенно семейному человѣку, какимъ въ это время уже былъ Ушинскій. Пришлось искать другихъ занятій. Съ увлеченіемъ занимаясь философіей и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся вмѣстѣ съ тѣмъ изученіемъ англійскаго языка и изучилъ его вполнѣ. Обладая огромной эрудиціей и знаніемъ языковъ, искусно владѣя перомъ, Ушинскій началъ принимать участіе въ лучшихъ тогда журналахъ («Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и др.). Вскорѣ за Ушинскимъ упрочилось мнѣніе, какъ о талантливомъ и образованномъ писателѣ. Самъ Тургеневъ съ большой похвалой отнесся къ литературной дѣятельности Ушинскаго. Но срочная журнальная дѣятельность не удовлетворяла Константина Димитріевича. Она подтачивала его здоровье, не принося духовнаго удовлетво-

ренія. Случай вывелъ его на педагогическую дорогу, на которой онъ и обезсмертилъ себя.

Въ 1855 г. онъ назначенъ былъ, благодаря содѣйствію директора Гатчинскаго института, бывшаго сослуживца Ушинскаго по лицею, преподавателемъ этого института, а затѣмъ и инспекторомъ его.

Вскорѣ по вступленіи въ Гатчинскій институтъ, Ушинскій получилъ отъ редактора «Библіотеки для чтенія» нѣсколько номеровъ англійскаго педагогическаго журнала съ просьбой перевести нѣсколько статей о воспитаніи и образованіи дѣтей въ Америкѣ. О впечатлѣніи, произведенномъ на Ушинскаго этими статьями, онъ самъ такъ говоритъ: «Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія совершенно новыя мысли, которыя безъ этихъ статей, пожалуй, не пришли бы никогда мнѣ въ голову. Я не знаю, что сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ». И онъ дѣйствительно всецѣло посвятилъ себя этимъ вопросамъ. Этому способствовало еще и слѣдующее обстоятельство: за двадцать лѣтъ до Ушинскаго инспекторомъ Гатчинскаго института былъ Гугель, который серьезно взглянулъ на дѣло воспитанія и обученія и увлекся имъ. Онъ составилъ прекрасную библіотеку изъ сочиненій знаменитыхъ иностранныхъ педагоговъ. Нѣсколько лѣтъ онъ могъ приводить въ исполненіе свои идеи; но обстоятельства перемѣнились, и Гугель печально кончилъ свою жизнь, оставивъ свою библіотеку въ наслѣдство институту. Составилась легенда, что причиной болѣзни Гугеля была библіотека, въ которой хранятся безумныя книги. Эта легенда облетѣла весь институтъ и дошла до родителей воспитывающихся; чтобъ прекратить разговоры, начальство распорядилось запечатать шкафы. Двадцать лѣтъ простояли такъ шкафы безъ всякой пользы; наконецъ, по просьбѣ Ушинскаго, ихъ рѣшились открыть. Вотъ что писалъ Ушинскій о своей находкѣ: «Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ и, Боже мой, отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще.» Подъ вліяніемъ чтенія сочиненій изъ библіотеки Гугеля для Константина Димитріевича совершенно ясно опредѣлилось его истинное призваніе. Будучи инспекторомъ обширнаго заведенія, въ которомъ дѣти начинали съ азбуки и доходили до знакомства съ литературой и законовѣдѣніемъ, Ушинскій имѣлъ возможность на практикѣ примѣнять педагогическія требованія, вынесенныя изъ чтенія педагогическихъ сочиненій. Періодъ, когда Ушинскій былъ инспекторомъ Гатчинскаго института, былъ самымъ блестящимъ періодомъ въ жизни этого заведенія.

Но Ушинскій далеко не ограничивался трудомъ по управленію Гатчинскимъ институтомъ и по преподаванію въ немъ. Онъ сознавалъ, что для движенія русскаго просвѣщенія необходимо разъяснять русскому обществу основы воспитанія; онъ былъ также убѣжденъ, что практи-

ческая дѣятельность, не будучи освѣщаема и направляема теоретическими воззрѣніями, основанными на наукѣ, становится механической, не способной къ усовершенствованію. Вотъ почему часы своего отдыха онъ посвящалъ разработкѣ педагогическихъ вопросовъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что и въ русскомъ обществѣ стала мало-по-малу сознаваться необходимость въ теоретической разработкѣ педагогическихъ вопросовъ, выразителемъ чего служило появленіе сразу трехъ педагогическихъ журналовъ—«Русскаго педагогическаго Вѣстника», «Журнала для воспитанія» и «Учителя». Ушинскій сталъ печатать одну за другою свои замѣчательныя педагогическія статьи: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Три элемента школы» и многія другія, не утратившія своего значенія и въ настоящее время. Въ это же время онъ подготовлялъ свой «Дѣтскій міръ», предназначая его для начальнаго обученія.

Дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ и его педагогическіе труды поставили его въ ряду выдающихся педагоговъ. Объ немъ узнала Императрица Марія Александровна, живо интересовавшаяся педагогическими вопросами. Въ то время назрѣлъ вопросъ о преобразованіи закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Преобразованіе это рѣшено было начать съ Смольнаго института, какъ старѣйшаго. Нуженъ былъ человѣкъ, который въ состояніи былъ бы произвести необходимыя улучшенія. Императрица Марія Александровна, подъ покровительствомъ которой находился институтъ, указала на Ушинскаго, какъ на лицо, способное поставить учебно-воспитательное дѣло заведенія на надлежащую высоту. И въ 1859 году Ушинскій былъ назначенъ инспекторомъ Смольнаго института. Институтъ этотъ представлялъ собою огромный совершенно замкнутый интернатъ изъ 700 воспитанницъ и раздѣлялся на «благородную и неблагородную половины», т.-е. на собственно институтъ и Александровское училище. Курсъ ученія въ институтѣ раздѣлялся на 3 класса и продолжался 9 лѣтъ, а въ Александровскомъ училищѣ былъ шестилѣтній, при двухъ классахъ. Послѣ окончанія трехлѣтняго класса всѣ безъ исключенія переходили въ слѣдующій классъ, не смотря на степень усвоенія пройденнаго, такъ что мало успѣвающія въ младшихъ классахъ успѣвали еще меньше въ старшихъ и выходили изъ института, имѣя самыя поверхностныя знанія. Для малоуспѣшныхъ ученицъ были особыя отдѣленія, но эта мѣра нисколько не поправляла дѣла, а только оскорбляла достоинство ученицъ: попасть въ отдѣленіе малоуспѣвающихъ считалось позорнымъ. Главными предметами обученія въ институтѣ были: французскій языкъ, танцы, музыка, какъ необходимые въ свѣтскомъ обществѣ; рукодѣліе и домоводство, необходимыя для будущихъ хозяекъ. Русскій языкъ находился въ пренебреженіи, а говорили и даже преподавали чаще на французскомъ. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ: не даромъ онъ назывался «монастыремъ». Въ немъ воспитанницы жили, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ заточеніи: цѣлыхъ девять лѣтъ ихъ не выпускали изъ стѣнъ заведенія никуда, даже къ родите-

лямъ. Дѣти, оторванныя отъ семействъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, не могли развить въ себѣ святого чувства любви къ родителямъ и роднымъ и дѣлались холодными, напыщенными. Не соприкасаясь нисколько съ обществомъ, онѣ оставались въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому пріобрѣтали ложный взглядъ на свои отношенія къ обществу и семьѣ.

Понимая огромное значеніе правильнаго образованія и воспитанія для женщинъ, которыя, въ свою очередь, должны сдѣлаться воспитательницами новаго поколѣнія, Ушинскій, заручившись полномочіемъ Августѣйшей покровительницы института, отдался всею душою дѣлу преобразованія его. Онъ въ нѣсколько недѣль составилъ подробный проектъ преобразованій, который и былъ одобренъ высшею властью. Девятилѣтній курсъ ученія онъ замѣнилъ семилѣтнимъ, такъ что воспитанницы, получая достаточное образованіе, могли возвращаться на два года раньше въ родную семью, которую не могло замѣнить—и Ушинскій понималъ это—никакое учебное заведеніе, какъ бы прекрасно оно ни было устроено. Вмѣсто 3-хъ классовъ, устроено 7, что давало возможность, при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ, малоуспѣвающихъ оставлять, для пополненія пробѣловъ въ знаніяхъ, на другой годъ въ томъ же классѣ, тогда какъ при трехгодичномъ курсѣ каждаго класса было бы немыслимо оставлять неуспѣвающихъ въ томъ же классѣ на цѣлыя шесть лѣтъ. Въ распредѣленіи предметовъ К. Д. держался того взгляда, что чѣмъ менѣе возрастъ учащихся, тѣмъ менѣе предметовъ должно быть съ ними изучаемо, а потому и самое обученіе должно быть основательнѣе; поэтому въ курсъ низшаго, седьмого, класса назначены были только четыре предмета: законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ съ предметными уроками и французскій языкъ; въ 6-мъ классѣ прибавляется географія; въ 5-мъ—нѣмецкій языкъ; въ 4-мъ—исторія и естествовѣдѣніе; въ 3-мъ—физика; во 2-мъ и 1-мъ—литература всеобщая и русская. Родной языкъ поставленъ центральнымъ предметомъ, какъ прежде французскій. На немъ преподаются всѣ предметы. Учитель русскаго языка обязанъ былъ не только обучать грамматикѣ и орѳографіи, но главнымъ образомъ способствовать душевному развитію учащихся, залагать въ нихъ вѣрныя сужденія объ окружающихъ предметахъ и пріучать ихъ къ правильному мышленію и умѣнью выражать свои мысли ясно, правильно и послѣдовательно. Въ младшихъ классахъ введены были предметные уроки; въ среднихъ классахъ риторика и пінтика замѣнены разборами произведеній русской и иностранной литературы, чтобы уже на нихъ строить теоретическіе выводы; въ старшихъ же классахъ очень видная роль отведена была исторіи отечественной литературы, какъ предмету наиболѣе способствующему развитію эстетическаго чувства учащихся. Преподаваніе ариѳметики, по мнѣнію Ушинскаго, должно было начинаться съ того, чѣмъ оно обыкновенно оканчивалось. Дѣти прежде всего должны были познакомиться съ понятіями объ измѣреніи, потомъ заняться именованными числами и, уже затѣмъ, перейти къ числамъ

отвлеченнымъ и дѣйствіямъ надъ ними. На преподаваніе географіи К. Д. обратилъ особенное вниманіе и отводилъ ей очень видное мѣсто, какъ наукѣ, соединяющей въ себѣ знанія изъ другихъ наукъ, развивающей наблюдательность относительно окружающихъ явленій природы и пріучающей улавливать взаимодѣйствіе между различными явленіями. Константинъ Димитріевичъ думалъ о соединеніи съ географіей естествовѣдѣнія и исторіи, чтобы «эти предметы шли рука объ руку, поддерживая, оживляя и пополняя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанницъ прочное зданіе яснаго, живого и вѣрнаго міросозерцанія». Было оживлено преподаваніе физики, которая должна была проходиться не иначе, какъ съ помощью опытовъ, различныхъ приборовъ и другихъ пособій.

Кромѣ того былъ составленъ планъ спеціально-педагогическаго двухгодичнаго класса. Въ первый годъ воспитанницы расширяли свои познанія и ознакамливались съ дидактикой и методикой, а во второй упражнялись въ веденіи обученія подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ учителей.

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ совершенно сравненъ съ курсомъ института въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія.

К. Д. положилъ начало ученическимъ библіотекамъ, причемъ для каждаго класса подбирались книги, соотвѣтствующія развитію и интересамъ воспитанницъ.

Классныя дамы и инспектрисса стали въ болѣе близкія, сердечныя отношенія къ воспитанницамъ института, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ необходимую долю самодѣятельности. Прежде каждое письмо, которое институтка получала отъ родителей или родныхъ, или сама писала къ нимъ, предварительно прочитывалось классной надзирательницей или инспектриссой. Ушинскій горячо возсталъ противъ этого, доказывая, что это только убиваетъ искренность и пріучаетъ къ лицемѣрію и лжи. Прежде, какъ сказано, воспитанницы не отпускались къ родителямъ или роднымъ ни на каникулы, ни въ большіе праздники. Со времени же Ушинскаго имъ разрѣшено было проводить вакаціонное время и большіе праздники у родителей или ближайшихъ родственниковъ, дабы тѣмъ поддерживать въ нихъ родственныя связи и дать имъ возможность ознакомиться съ той средой, въ которой онѣ будутъ вращаться по окончаніи курса. Мало того, въ институтъ на вечера стали приглашаться родственники воспитанницъ, и послѣднія занимали своихъ гостей, танцовали, пѣли, играли, и все это дѣлалось просто, непринужденно. Институтъ, подъ вліяніемъ всѣхъ преобразованій, зажилъ новою, лучшею жизнью.

Само собою разумѣется, что свои преобразовательныя мѣры, особенно въ области обученія, Ушинскій могъ провести лишь при содѣйствіи подходящихъ преподавателей. И онъ старался привлечь въ институтъ лучшія педагогическія силы. При выборѣ ихъ онъ сообразовался не столько съ ихъ офиціальными дипломами, сколько съ педагогическими ихъ способностями. Присутствуя, напр., на урокахъ инженера барона Косинскаго въ безплатной школѣ, онъ замѣтилъ въ немъ особенное искусство въ пре-

подаваніи математики и привлекъ его къ дѣятельности въ институтѣ въ качествѣ учителя геометріи и ариѳметики. Прослушавши нѣсколько уроковъ офицера Семевскаго, онъ предоставилъ ему въ институтѣ уроки по исторіи. Вскорѣ послѣ вступленія Ушинскаго въ институтъ мы находимъ въ числѣ преподавателей этого заведенія такихъ лицъ, какъ Буссе, Водовозовъ, Лядовъ, Массонъ, Ѳ. Миллеръ, Л. Модзалевскій, А. Павловскій, Раевскій, Семеновъ и др. Всѣ они были проникнуты идеями своего инспектора и составляли сплоченный кружокъ, часто собиравшійся на педагогическія конференціи для обсужденія и разработки педагогическихъ вопросовъ, вызываемыхъ жизнью института. Кромѣ этихъ собраній, еженедѣльно собирались по четвергамъ въ квартиру Ушинскаго лица, заинтересованныя педагогическимъ дѣломъ. Здѣсь въ живой бесѣдѣ разрабатывались планы и методы обученія въ разныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, обсуждались вопросы общепедагогическаго характера, разсматривались новыя учебныя пособія и вырабатывались руководства. Здѣсь, между прочимъ, въ рукописи былъ разсмотрѣнъ «Дѣтскій міръ», который и былъ изданъ, по просьбѣ друзей и сослуживцевъ Ушинскаго, въ 1861 г. Педагогическіе четверги Ушинскаго имѣли немаловажное значеніе не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго, но и для другихъ лицъ, работавшихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много плодотворныхъ идей зародилось въ участникахъ собраній. Идеи эти попали въ печать и разошлись по всей Россіи.

Про Смольный институтъ заговорили въ столицѣ. Многіе, не только изъ педагогическаго міра, но и изъ лицъ, состоящихъ въ другихъ вѣдомствахъ, пріѣзжали въ институтъ, чтобы здѣсь послушать живые, хорошіе уроки, особенно въ младшихъ классахъ. Сами воспитанницы института какъ будто переродились: это не были уже барышни, мечтающія лишь о будущихъ выѣздахъ и считающія ученіе «противнымъ», а прилежныя, интересующіяся учебными предметами ученицы, съ полнымъ вниманіемъ относящіяся къ каждому уроку своихъ преподавателей.

Обаяніе личности Ушинскаго сказывалось, какъ на сослуживцахъ—одномышленникахъ, такъ и на воспитанницахъ института. Послѣднія чувствовали, что Ушинскій желаетъ имъ добра, трудится ради ихъ пользы, и питали къ нему чувство глубокой признательности. Высшее начальство довѣряло Ушинскому. Казалось, что какъ ему самому, такъ и институту нечего опасаться чего-нибудь непріятнаго... Но не дремала зависть, не дремало недоброжелательство тѣхъ лицъ, себялюбивое спокойствіе которыхъ было нарушено энергическою дѣятельностью Ушинскаго. И на послѣдняго стали клеветать, стали распространять про него такіе слухи, которые могли подорвать его авторитетъ. Мало того, на него писали доносы, въ которыхъ обвиняли его въ предосудительныхъ мысляхъ и поступкахъ. И долженъ былъ Ушинскій оправдываться отъ взведенныхъ на него гнусныхъ клеветническихъ обвиненій. «На составленіе крайне непріятной отповѣди», говоритъ Песковскій, «потребовалось нѣсколько сутокъ, проведенныхъ Ушинскимъ почти не вставая съ мѣста. Въ ре-

зультатѣ же оказалось, что, садясь за оправданіе бодрымъ, здоровымъ, онъ всталъ изъ-за этой тяжелой работы посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью... Слишкомъ сильно принялъ онъ къ сердцу такъ дерзко и незаслуженно нанесенное ему оскорбленіе!... Очевидно, на это и разсчитывали его враги, такъ какъ жизнь и дѣятельность Ушинскаго рѣшительно не могли дать пищи ни для какого реальнаго обвиненія».

И Ушинскій, хотя совершенно очистилъ себя отъ взведенныхъ на него обвиненій и уличилъ клеветниковъ въ клеветѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сейчасъ видѣли, онъ поплатился своимъ здоровьемъ. Кромѣ того это обстоятельство, а равно и другія, чисто формальныя соображенія повели къ выходу Ушинскаго изъ института. Онъ причисленъ былъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку для ознакомленія съ положеніемъ женскаго образованія за-границей и составленія руководства педагогики для среднихъ учебныхъ заведеній.

Выходъ Ушинскаго изъ института вызвалъ тяжелыя чувства какъ въ воспитанницахъ, такъ и тѣхъ изъ служащихъ, которые проникнуты были высшими побужденіями и понимали Ушинскаго. Враги же и клеветники его злорадствовали и торжествовали. Но не прочно было ихъ торжество, такъ какъ всѣ нововведенія Ушинскаго не только были сохранены въ Смольномъ институтѣ, но и получили распространеніе на другіе женскіе институты имперіи.

Состоя инспекторомъ Смольнаго института, Ушинскій получилъ предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія Головнина редактировать журналъ министерства. Въ то время въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія шла подготовительная работа, направленная къ подъему учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства, и министръ пожелалъ сдѣлать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» органомъ для разработки вопросовъ по народному образованію. Зная Ушинскаго по его плодотворной преобразовательной дѣятельности въ институтѣ и по его талантливымъ педагогическимъ статьямъ, министръ поручилъ ему веденіе педагогическаго журнала министерства. Ушинскому съ перваго же года редактированія удалось поднять журналъ на надлежащую высоту. Отдѣлъ «Педагогики и дидактики» занималъ въ немъ главное мѣсто. Къ участію въ журналѣ Ушинскій привлекъ лучшія въ то время педагогическія силы. Наиболѣе же выдающимися статьями въ журналѣ являются статьи самого редактора: 1) «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи»; 2) «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»; 3) «Воскресныя школы»; 4) «Проектъ учительской семинаріи»; 5) «Родное Слово» и др.

Ушинскій редактировалъ «журналъ» два года (1860 и 1861 г.). Въ 1862 г. министра Головнина замѣнилъ графъ Путятинъ. Этотъ послѣдній пожелалъ сдѣлать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» органомъ по различнымъ отраслямъ знанія. Ушинскій нашелъ для себя неудобнымъ оставаться редакторомъ при такомъ направленіи журнала и

оставилъ редакторство, тѣмъ болѣе, что ему предстояла поѣздка за-границу для поправленія здоровья и выполненія возложеннаго на него Императрицей порученія.

Въ маѣ 1862 г. Ушинскій вмѣстѣ съ семействомъ отправился заграницу, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ, до 1867 г., ежегодно пріѣзжая на короткое время въ Россію. Жилъ онъ преимущественно въ Швейцаріи, близъ мѣстечка Веве, и въ Гейдельбергѣ, какъ крупномъ умственномъ центрѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ познакомился и тѣсно сблизился съ замѣчательнымъ русскимъ педагогомъ и хирургомъ Пироговымъ. Константинъ Димитріевичъ глубоко уважалъ Пирогова и считалъ его человѣкомъ, способнымъ возвысить и укрѣпить духъ другого человѣка,—человѣкомъ, жизнь котораго можетъ для всякаго служить образцомъ. Этотъ взглядъ Ушинскаго, какъ нельзя лучше, оправдался на немъ самомъ: подъ вліяніемъ Пирогова Константинъ Димитріевичъ быстро воспрянулъ и окрѣпъ духомъ, и съ новой энергіей принялся за изученіе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, главнымъ образомъ народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. И въ томъ же году (1862) Ушинскій прислалъ въ Россію для напечатанія семь объемистыхъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поѣздка въ Швейцарію». Въ этихъ письмахъ авторъ, изображая вѣрную картину швейцарскихъ школъ, удачно освѣщаетъ потребности отечественнаго образованія, задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться наше родное школьное дѣло, и тѣ средства, которыми онѣ должны быть достигнуты.

Онъ вездѣ старается возбудить вниманіе общества къ народному образованію. «Теперь именно настаетъ пора, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные,—и много, много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи—и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу!»

За-границей же составлены Ушинскимъ 3 книги «Родного Слова». Книги эти составили эпоху въ начальномъ обученіи. Онѣ вмѣстѣ съ книгами для учащихъ раскрыли русскимъ матерямъ и русскимъ учителямъ и учительницамъ основы начальнаго обученія.

Имѣя въ виду составить руководство по педагогикѣ, Ушинскій занялся прежде составленіемъ педагогической антропологіи. И въ 1867 г., возвратившись на родину, онъ привезъ съ собой огромную стопу цѣннаго матеріала, обработавши который, онъ въ концѣ 1867 г. выпустилъ въ свѣтъ первый томъ книги—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», а въ 1869 году—и второй томъ ея. Для третьяго тома былъ заготовленъ матеріалъ и даже составлена программа его, но ему не суждено было явиться.

Рядъ педагогическихъ статей, три части «Родного Слова», двѣ части «Руководства для учителей» — приложеніе къ «Родному Слову»,

два тома «Педагогической антропологіи» составлены Ушинскимъ въ пять лѣтъ. Это уже показываетъ, какъ энергично и усердно онъ работалъ. Къ тому же съ цѣлью изученія школьнаго дѣла, онъ переѣзжалъ изъ одной страны въ другую. Такъ, кромѣ Швейцаріи и Германіи, онъ посѣтилъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ Ушинскій удостоился бесѣдовать съ Императрицей Маріей Александровной, которая поручила ему изложить свои взгляды о характерѣ воспитанія Наслѣдника русскаго престола. Ушинскій изложилъ свои мысли по этому предмету въ четырехъ письмахъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Ушинскій энергично отдался дѣлу насажденія просвѣщенія въ Россіи на тѣхъ началахъ, которыя выработаны имъ путемъ глубокаго изученія законовъ душевнаго и физическаго развитія человѣка и путемъ ознакомленія съ школьнымъ дѣломъ на западѣ. Поле для дѣятельности открывалось широкое. Въ это время существовало Педагогическое Общество. Ушинскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этомъ обществѣ. Здѣсь читались и обсуждались педагогическія статьи, разсматривались учебныя пособія и руководства, разрабатывались методы и формы обученія. Душою Педагогическаго Общества былъ Ушинскій. Онъ возбуждалъ дѣятельность общества, поднимая въ немъ педагогическіе вопросы. Внимательно слѣдя за разработкой педагогическихъ вопросовъ за-границей, онъ дѣлалъ сообщенія по этимъ вопросамъ. Одновременно съ этимъ онъ велъ самую энергичную переписку съ многими провинціальными дѣятелями по народному образованію, какъ, напр., съ барономъ Корфомъ, бар. Косинскимъ и другими.

Усиленные труды въ соединеніи съ петербургскимъ климатомъ снова подорвали физическія силы Ушинскаго, и онъ весною 1870 г. вторично отправился за-границу. Но тутъ вѣнскіе доктора посовѣтовали ему вернуться въ Россію, отправиться въ Крымъ и здѣсь лѣчиться кумысомъ. Онъ послѣдовалъ совѣту ихъ и поселился недалеко отъ Бахчисарая. Въ теченіе мѣсяца силы его значительно возстановились, и онъ отправился на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Въ послѣднемъ онъ былъ принятъ съ особымъ почетомъ. Его посѣтили многіе учителя и начальники учебныхъ заведеній. Директоръ предложилъ ему проѣхаться въ Бахчисарай для ознакомленія съ мѣстными татарскими школами. Здѣсь они посѣтили, между прочимъ, школу для взрослыхъ татаръ, готовящихся въ учителя татарскихъ народныхъ училищъ, и здѣсь Ушинскій впервые увидѣлъ, какъ учатъ по его книгѣ «Родное Слово», да притомъ не русскихъ, а татаръ и не маленькихъ, а взрослыхъ. Ученики татары заявили Ушинскому, что русское чтеніе и письмо по книгѣ «Родное Слово» дается имъ легче татарскаго и что въ библіотекѣ у каждаго изъ нихъ обязательно есть первый годъ «Родного Слова», наряду съ кораномъ и семью толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

Вернувшись изъ Бахчисарая въ Симферополь, Ушинскій узналъ, что здѣсь устроенъ съѣздъ начальныхъ учителей для рѣшенія различныхъ педагогическихъ вопросовъ. Ушинскій аккуратно посѣщалъ собранія этого съѣзда и принималъ живое участіе въ бесѣдахъ учителей. Раз-

вивая съ горячностью убѣжденнаго человѣка ту или другую педагогическую мысль, онъ и не замѣчалъ, что это вредно отражалось на его здоровьѣ. Учителя просили его не утомляться такъ, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ не принимать близко къ сердцу того педагогическаго движенія, какое онъ замѣчаетъ въ своемъ отечествѣ. Посѣтивши симферопольскую женскую гимназію, онъ здѣсь былъ на экзаменѣ въ приготовительномъ классѣ и поразилъ всѣхъ присутствующихъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ ставилъ вопросы. При отъѣздѣ Ушинскаго изъ Симферополя начальные учителя и другія лица устроили ему проводы и выразили глубокую преданность и признательность своему учителю. Это въ высшей степени растрогало его, и онъ рѣшился еще съ большимъ усердіемъ отдаться дѣлу народнаго образованія. Кромѣ теоретическихъ трудовъ, онъ вознамѣрился основать учебное заведеніе, въ которомъ слабыя и болѣзненныя дѣти, при хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, получали бы нужное имъ среднее образованіе. Приторговавши около Ялты имѣніе, онъ отправился въ свою усадьбу, Богданку (Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда), гдѣ жила его семья и куда пріѣхалъ, только-что окончившій курсъ 2-ой Петербургской военной гимназіи, его сынъ, очень способный и благовоспитанный юноша. На него Ушинскій возлагалъ большія надежды и смотрѣлъ на него, какъ на своего друга и преемника по труду народнаго образованія. Пріѣхавши въ Богданку, Ушинскій узналъ, что его любимый сынъ случайно на охотѣ ранилъ себя изъ револьвера и уже похороненъ. Это несказанно поразило несчастнаго отца. Онъ упалъ безъ чувствъ, затѣмъ, пришедши въ себя, заперся въ кабинетѣ и долго оттуда раздавались отчаянные стоны и рыданія убитаго горемъ отца. Онъ сталъ угрюмъ, молчаливъ и старался хлопотами и распоряженіями по имѣнію заглушить удручающую его тоску.

Осенью онъ перевезъ всю семью свою въ Кіевъ, гдѣ помѣстилъ двухъ дочерей своихъ въ институтъ.

Тяжело ему жилось въ Кіевѣ. Мысль о покойномъ сынѣ не оставляла его и лишала сна. «Хорошо ли мнѣ въ Кіевѣ?» писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ друзей.—«Увы, не хорошо! Душитъ глушью, и ничего близкаго сердцу. Но думаю, что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ уже думать нечего: моя пѣсня, кажется, окончательно спѣта». Константинъ Димитріевичъ, сознавая, что силы оставляютъ его, сокрушался о семьѣ и о томъ, что ему не удастся окончить задуманные педагогическіе труды.

Доктора торопили его въ Крымъ, между тѣмъ какъ самого его тянуло въ Петербургъ, гдѣ онъ прожилъ лучшіе годы своей жизни, въ разгарѣ такъ близкой ему педагогической дѣятельности. «Худъ ли, хорошъ ли Петербургъ», писалъ онъ въ это время знакомому,—«но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости, и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ же составилъ состояніе; тамъ я напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ

съ царями; тамъ я былъ невѣдомъ ни одной душѣ, и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя,—надѣюсь, честное, и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ, и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видѣть его».

Предчувствія его, къ сожалѣнію, сбылись. Онъ отправился въ Крымъ съ двумя своими сыновьями. Дорогою онъ простудился и, остановившись въ Одессѣ, слегъ въ постель: у него открылось воспаленіе легкихъ. Не разсчитывая уже выздоровѣть, онъ телеграммой выписалъ изъ Кіева остальную свою семью.

27 декабря 1870 года, за четыре часа до смерти онъ почувствовалъ облегченіе, говорилъ, что ему очень хорошо, но нужно «побольше свѣта». Зажгли сначала четыре свѣчи, потомъ шесть, а затѣмъ, по его просьбѣ, всю комнату освѣтили яркимъ свѣтомъ. Ушинскій одѣлся въ чистое бѣлье, легъ въ постель и попросилъ своего родственника читать ему «Ундину» Жуковскаго. Послѣ чтенія онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, какъ всегда дѣлалъ на ночь, усердно помолился вмѣстѣ съ ними, благословилъ ихъ всѣхъ на сонъ грядущій, всѣхъ перекрестилъ, простился съ ними и уснулъ... уснулъ на вѣки, на 47 году своей жизни, далеко не выполнивши всѣхъ своихъ благихъ замысловъ, направленныхъ къ просвѣщенію отечества. Выработавши упорнымъ умственнымъ трудомъ зрѣлыя педагогическія воззрѣнія и убѣжденія, онъ желалъ еще прибавить много хорошаго, новаго къ тому, что уже сдѣлалъ на пользу русской школы, русскихъ учителей, русскихъ женщинъ и дѣтей. Въ Одессѣ, гдѣ умеръ Ушинскій, у него не было знакомыхъ, но по его педагогическимъ трудамъ зналъ его весь одесскій педагогическій міръ и вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась вѣсть о смерти Ушинскаго, какъ около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и дѣтей покойнаго окружили самыми нѣжными заботами, освободивъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ по отпѣванію и перевозкѣ тѣла его въ Кіевъ, для погребенія въ подгородномъ Выдубицкомъ монастырѣ. На крестѣ его памятника написано: «Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ, Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними». Тѣло Ушинскаго отъ Одесскаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, до вокзала желѣзной дороги сопровождала огромная толпа начальниковъ учебныхъ заведеній, учащихъ и учащихся. Произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей какъ въ соборѣ, такъ и на вокзалѣ передъ отходомъ поѣзда. Въ Кіевѣ гробъ Ушинскаго тоже встрѣченъ былъ кіевскимъ педагогическимъ міромъ. Да и не въ одной только Одессѣ, не въ одномъ Кіевѣ или въ столицѣ, но и въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ, куда только судьба забросила развитаго священника, образованнаго сельскаго учителя или образованную русскую женщину, смерть Ушинскаго глубоко почувствовалась. Это показываетъ, что въ то время уже Ушинскій сдѣлался извѣстенъ и дорогъ всѣмъ, кто интересовался дѣломъ обученія и воспитанія подрастающаго поколѣнія.

19.01.26.

И до настоящаго времени, не смотря на то, что прошло уже болѣе тридцати лѣтъ со времени смерти Ушинскаго, сочиненія его не утратили своего значенія. По его «Родному Слову» еще до сихъ поръ масса дѣтей обучается родному языку и, вѣроятно, еще долго будутъ обучаться по нему. Его «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» и до сихъ поръ составляетъ настольную книгу каждаго мыслящаго учителя.

Разсмотримъ педагогическія сочиненія Ушинскаго.

II.

Въ наслѣдство русской школѣ и русской семьѣ остались слѣдующіе педагогическіе труды Ушинскаго: 1) рядъ педагогическихъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ педагогическахъ журналахъ; 2) «Родное Слово», г. 1, 2 и 3-ій; 3) двѣ книги для учащихъ—приложеніе къ «Родному Слову»; 4) двѣ части «Дѣтскаго міра» и 5) два тома педагогической антропологіи—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ трудовъ.

1) Изъ множества педагогическихъ статей Ушинскаго избраны статьи, имѣющія общее значеніе, и изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Собраніе педагогическихъ статей Константина Димитріевича Ушинскаго». Въ этой книгѣ читатель находитъ цѣнныя мысли о педагогической подготовкѣ учителей, о пользѣ педагогической литературы, о народности въ общественномъ воспитаніи, о воспитательно-образовательномъ значеніи родного языка, о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи и т. п. Изложимъ хотя нѣкоторыя изъ идей Ушинскаго, высказанныя имъ въ педагогическихъ статьяхъ.

«Есть только одинъ идеалъ совершенства, предъ которымъ», говоритъ Ушинскій, «преклоняются всѣ народности: это идеалъ, представляемый намъ христіанствомъ. Все, чѣмъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ быть, выражено вполнѣ въ Божественномъ ученіи, и воспитанію остается только, прежде всего и въ основу всего, вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ вѣчную цѣль ко всякому воспитанію; оно же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ свѣта и всякой истины. Это несгораемый свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человѣка и народовъ»... Воспитаніе русскихъ должно быть, по требованію Ушинскаго, непремѣнно православнымъ.

Кромѣ религіознаго элемента, воспитаніе молодого поколѣнія должно носить и элементъ народности. «Народъ безъ народности», говоритъ Ушинскій,—«тѣло безъ души, и воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть *народнымъ*. Всякая живая историческая народность

есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ, и воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника»...

Русскую народную школу Ушинскій желалъ бы оставить въ рукахъ самого народа, какъ его семейное дѣло; онъ желалъ бы навсегда устранить ложную мысль, что простой мужикъ очень грубъ и недалекъ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ своего дитяти. «Народъ», говоритъ онъ,—«понимаетъ назначеніе школы не меньше, чѣмъ большинство нашего общества; онъ даже чище смотритъ на ея задачу. Когда высшіе слои, поднимающіеся надъ народомъ, отдаютъ своихъ дѣтей въ ученіе только изъ-за того, чтобы приготовить ихъ къ карьерѣ и выгодной службѣ, народъ меньше всего думаетъ о службѣ, меньше всего поощряетъ жажду иныхъ честолюбивыхъ крестьянъ какъ-нибудь выбиться изъ-подъ сохи и бросить землю». Ушинскій выражаетъ свое убѣжденіе, что самъ народъ является лучшимъ хранителемъ добраго направленія школы. «Если крестьянинъ замѣтитъ», говоритъ онъ, — «что его дитя, посѣщающее школу, начинаетъ показывать неуваженіе къ религіи, къ родителямъ, или болтаетъ разныя глупости, то повѣрьте, что прежде всего самъ же онъ, крестьянинъ, вооружится противъ такой школы и такого учителя. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.... Надеженъ только тотъ хранитель, который имѣетъ свой собственный интересъ въ охраненіи».

Кромѣ самого народа, Ушинскій желалъ бы ввѣрить охрану народныхъ школъ духовенству, которое самымъ положеніемъ своимъ поставлено охранителемъ религіозныхъ принциповъ народа, и земству, все благоденствіе котораго основано на охраненіи спокойствія и порядка. Онъ желалъ бы, чтобы администрація и высшіе слои общества лишь содѣйствовали дѣлу народнаго образованія убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и интеллектуальною и матеріальною помощью.

Дѣло воспитанія подростающаго поколѣнія, по мысли Ушинскаго, должно быть близко всему обществу. Каждый членъ общества, каждая семья должны быть заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. «Пусть же», говоритъ Ушинскій, — «воспитаніе дѣтей войдетъ въ моду въ нашемъ обществѣ; пусть великосвѣтская барыня, отодвинувъ немного въ сторону модныя бездѣлушки, положитъ хоть рядомъ съ ними какой-нибудь дѣтскій учебникъ или новую педагогическую книжку: пусть важный господинъ, говоря серьезно о новой танцовщицѣ, о рысакахъ, выигравшихъ призъ, не постыдится сказать нѣсколько серьезныхъ же словъ и объ азбукѣ, по которой учатся его дѣти, и быть внимательнымъ къ учителю хоть покрайней мѣрѣ настолько, насколько онъ внимателенъ теперь къ модному портному»..... «Пусть порядочный человѣкъ не совѣстится выбрать себѣ учительскую карьеру».

Дѣятельности учителя и воспитателя Ушинскій придавалъ очень важное значеніе. Роль его очень высока и, понятно, что онъ своими душевными качествами долженъ соотвѣтствовать этой роли. «Необходимо, чтобы люди, принимающіеся за воспитаніе и обученіе юношества, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стре-

мленіямъ и убѣжденіямъ». Кромѣ того, такъ какъ учебно-воспитательная дѣятельность должна быть сознательной, разумной, дѣятельностью, то къ ней и необходимо серьезно подготовляться изученіемъ антропологическихъ и педагогическихъ наукъ. Такимъ образомъ, каждому учителю и воспитателю, кромѣ общаго, необходимо еще и спеціально-педагогическое образованіе. Безъ научныхъ педагогическихъ основъ учитель или воспитатель неминуемо идетъ ощупью, на-авось, рискуя погубить много неповинныхъ дѣтскихъ душъ. «Кто», говоритъ Ушинскій, «полагаетъ, что, не изучивъ обширнаго круга медицинскихъ наукъ, можно съ успѣхомъ лѣчить по «Домашнему лѣчебнику» или «Другу здоровья», тотъ вправѣ думать, что и обучать и воспитывать успѣшно можно по какому-нибудь учебнику, безъ предварительнаго изученія антропологическихъ наукъ». Между тѣмъ, по замѣчанію Ушинскаго, «дѣло воспитанія многимъ кажется дѣломъ знакомымъ и понятнымъ, а инымъ даже и легкимъ, и тѣмъ оно кажется понятнѣе и легче, чѣмъ менѣе человѣкъ съ нимъ знакомъ, теоретически или практически». «Даже многіе учителя и воспитатели-практики», по заявленію того же Ушинскаго,—«съ презрѣніемъ отзываются о педагогической теоріи и питаютъ къ ней какую-то странную вражду, хотя самыя имена главнѣйшихъ педагогическихъ дѣятелей имъ или совсѣмъ не извѣстны, или извѣстны лишь по слуху».

Для подготовки учителей въ среднія учебныя заведенія Ушинскій признавалъ необходимымъ учрежденіе особыхъ педагогическихъ факультетовъ, гдѣ бы будущіе педагоги изучали антропологическія и педагогическія науки. «Если въ университетахъ», писалъ Ушинскій, «существуютъ факультеты медицинскіе и камеральные, но нѣтъ педагогическихъ, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи».

Для подготовки учителей въ начальныя школы Ушинскій признавалъ необходимымъ учрежденіе достаточнаго числа правильно организованныхъ учительскихъ семинарій. Онъ даже составилъ подробный проектъ русской учительской семинаріи. Такъ какъ многія положенія «Проекта» Ушинскаго нашли примѣненіе при учрежденіи въ Россіи учительскихъ семинарій, то потому и приведемъ важнѣйшія изъ его положеній:

Учительскія семинаріи, по проекту Ушинскаго, должны быть устраиваемы не въ большихъ городахъ, гдѣ много соблазновъ, но въ то же время и не въ удаленіи отъ центровъ образованія, дабы всякаго рода культурныя орудія и средства были подъ рукою. Онѣ должны быть закрытыми заведеніями, дабы воспитанники находились подъ болѣе близкимъ нравственнымъ и религіознымъ вліяніемъ со стороны наставниковъ. Обстановка семинаристовъ должна быть самая простая, дабы они привыкли довольствоваться тѣми условіями жизни, какія представитъ имъ жизнь въ селѣ или деревнѣ. Въ семинарію поступаютъ ученики по строгому выбору. Обученіе въ семинаріяхъ должно быть не обширное, но

энциклопедическое и приноровленное къ дѣятельности начальнаго учителя. При семинаріи должна быть практическая школа, такъ какъ главная дѣятельность семинаристовъ должна состоять въ практическихъ занятіяхъ. Желательно, чтобы народные учителя были народными не только потому, что учатъ въ народныхъ школахъ, но и потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собою его лучшія характеристическія свойства и его чистѣйшія обязанности и привязанности, просвѣтленныя истинно-христіанскимъ образованіемъ.

Для дальнѣйшаго педагогическаго образованія учителя, а равно для поддержанія педагогическаго интереса какъ въ немъ самомъ, такъ и во всемъ обществѣ, Ушинскій признавалъ необходимымъ существованіе педагогической литературы. «Педагогическая литература», говоритъ онъ, — «можетъ оживить учебно-воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на урокъ. Она можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература устанавляетъ въ обществѣ, съ одной стороны, правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій»... «При существованіи педагогической литературы, всякій воспитатель имѣетъ возможность не ограничиваться тѣснымъ кругомъ своей дѣятельности. Его опытъ, мысль, которую онъ выработаетъ въ своей практикѣ, новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ; но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсть защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства».

Центромъ образованія въ начальной школѣ да и вообще въ каждой общеобразовательной школѣ долженъ служить, по мысли Ушинскаго, родной языкъ. Учитель родного языка не только долженъ учить грамматикѣ и орѳографическому письму, но и пріучать учениковъ къ правильному мышленію и вообще содѣйствовать развитію душевныхъ силъ ихъ. Такая роль обученія отечественному языку вытекаетъ изъ значенія родного языка. Значеніе это прекрасно раскрыто Ушинскимъ въ статьѣ «Родное слово».

....«Въ языкѣ», говоритъ онъ,—«одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной

природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который иногда высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ,—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницѣ родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе!—И нѣтъ насилія болѣе тяжелаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все — и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ—и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда; вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ».

«Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то-же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ его учить до конца народной исторіи. Усваивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно истлѣвшихъ въ родной землѣ. Все—что видали, все—что испытали, все—что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ».

«Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насильственно, въ пять или шесть лѣтъ, по большей части, говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языкѣ. Но подумайте, сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на

какомъ-нибудь языкѣ, какъ говоритъ неглупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ. Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ родного языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія;—нѣтъ, если бы изучали языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создаетъ въ человѣкѣ слово и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго — развиваетъ его духъ. Вы замѣчаете, что ребенокъ, желая выразить свою мысль, въ одномъ случаѣ употребляетъ одно выраженіе, въ другомъ—другое, и невольно удивляетесь чутью, съ которымъ онъ подмѣтилъ необычайно тонкое различіе между двумя словами, повидимому очень сходными. Могло ли бы это быть, если бы ребенокъ, усваивая родной языкъ, не усваивалъ частицы той творческой силы, которая давала возможность народу создать языкъ?»

«Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо-облегчающему методу. Мы успокаиваемъ себя обыкновенно фразою, что ребенокъ говоритъ на родномъ языкѣ, такъ себѣ, безсознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняетъ. Усвапвая родной языкъ, ребенокъ усваиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка, — и усваиваетъ легко и скоро, въ два - три года столько, что и половины того мы не можемъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ — родное слово».

Изъ изложеннаго значенія отечественнаго языка Ушинскій не только дѣлаетъ тотъ выводъ, что онъ долженъ быть поставленъ въ центрѣ обученія, но также и другіе весьма цѣнные педагогическіе выводы. Такъ, онъ совершенно вѣрно говоритъ, что не слѣдуетъ начинать изученіе иностраннаго языка, прежде чѣмъ достаточно глубоко изученъ родной языкъ. Дитя, учащееся говорить прежде не на отечественномъ, а на иностранномъ языкѣ, усвояетъ начала чужой народности и вредитъ правильности и прочности всего своего душевнаго развитія. Иностранные языки Ушинскій совѣтуетъ изучать въ послѣдовательномъ порядкѣ, а не одновременно, во избѣжаніе путаницы, и по каждому иностранному языку давать какъ можно болѣе упражненій, особенно на первыхъ порахъ.

Будучи человѣкомъ упорнаго и неустаннаго труда, Ушинскій въ своей прекрасной статьѣ «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи» раскрываетъ значеніе труда для духовнаго и матеріальнаго благосостоянія человѣка. Трудъ составляетъ потребность человѣка. Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, то предъ нимъ открывается путь или неутолимаго недовольства жизнью,

мрачной апатіи, или добровольнаго самоуничтоженія. Трудъ составляетъ необходимое условіе поддержанія человѣческаго достоинства и достиженія возможнаго на землѣ счастія. Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а долженъ идти назадъ.

Изъ такого значенія труда Ушинскій дѣлаетъ выводъ, что основной задачей воспитанія должно считаться приготовленіе юношей къ разумному труду. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, должно дать ему возможность и средства отыскать для себя трудъ въ жизни. Потому и школа, развивая своихъ учениковъ духовно, должна вмѣстѣ съ тѣмъ зажечь въ нихъ жажду серьезнаго и разумнаго труда, безъ котораго жизнь ихъ не можетъ быть ни достойною, ни счастливой. Сообразно съ этой задачей, ученіе въ школѣ должно быть не игрой и забавой, а серьезнымъ трудомъ. Конечно, при этомъ должна быть соблюдаема послѣдовательность и посильность, при чемъ на долю учащагося достается столько труда, сколько могутъ одолѣть его молодыя силы.

2) Изложенныя выше идеи о значеніи родного языка Ушинскій прекрасно осуществилъ въ составленныхъ имъ руководствахъ для обученія отечественному языку, названныхъ имъ «Родное Слово».

Появленіе книгъ «Родного Слова» произвело значительный переворотъ въ начальномъ обученіи. Обучаясь по «Родному Слову», дѣти не только учатся читать и писать, но и развиваютъ свои душевныя силы, обогащаютъ свою рѣчь и выясняютъ себѣ окружающую дѣйствительность. И все это совершается само собою, легко, скоро, сопровождаясь радостнымъ чувствомъ дѣтей.

Обладая въ высшей степени пониманіемъ душевной жизни дѣтей, Ушинскій приноровилъ свое руководство къ потребностямъ ихъ и послѣдовательному развитію ихъ мышленія и рѣчи. Языкъ въ книгахъ «Р. Сл.» вездѣ простой, образный, вездѣ вы видите простыя предложенія, что̀ соотвѣтствуетъ устной дѣтской рѣчи.

Милліоны дѣтей, учившихся и учащихся по «Родному Слову», сохраняютъ на всю жизнь пріятное воспоминаніе о разсказахъ, пѣсенкахъ, пословицахъ, загадкахъ, стишкахъ, находящихся въ немъ.

Книги «Родного Слова» нашли себѣ мѣсто и въ царскихъ палатахъ, и въ бѣдной заброшенной школѣ, и въ скромной русской семьѣ. Слѣдуетъ только поближе познакомиться съ ними, чтобы выяснилась причина такого распространенія ихъ.

«Родное Слово», какъ сказано, распадается на три книги, по годамъ ученія.

Первый годъ «Родного Слова» состоитъ изъ азбуки и первой послѣ азбуки книги для чтенія. Съ гласными звуками и буквами дѣти ознакамливаются синтетически; затѣмъ съ согласными звуками они ознакамливаются аналитическимъ путемъ, т.-е. посредствомъ выдѣленія ихъ изъ удачно подобранныхъ словъ. Познакомившись съ нѣсколькими письмен-

ными буквами, дѣти переходятъ къ совмѣстному ознакомленію и съ письменными, и печатными буквами. Чтенію и письму они обучаются одновременно. Письму буквъ предшествуютъ упражненія въ рисованіи по клѣточкамъ и писаніи элементовъ буквъ.

Ознакомившись при изученіи азбуки съ процессомъ чтенія и письма, дѣти переходятъ къ чтенію коротенькихъ разсказцевъ, сказочекъ, пословицъ, загадокъ и скороговорокъ. Рядомъ съ статейками для чтенія и пересказа помѣщены стишки для заучиванія наизусть и задачи для умственныхъ упражненій или вопросы для устныхъ отвѣтовъ. И весь матеріалъ, помѣщенный подъ общимъ заголовкомъ, имѣетъ внутреннюю связь: одно служитъ поясненіемъ другого или выводомъ изъ него.

Учитель или учительница, обучая по «Родному Слову», невольно чувствуетъ, что каждую главу этой книги нужно не только прочитать съ дѣтьми, но и проработать ее съ ними. И такая проработка въ высшей степени плодотворна для душевнаго развитія ихъ.

Въ книгѣ помѣщено значительное количество умѣло составленныхъ картинокъ, служащихъ для развитія наблюдательности, мышленія и рѣчи дѣтей.

Дѣти охотно учатся по «Родному Слову», такъ какъ каждая статейка, каждая пословица, поговорка, каждая задача вызываетъ въ нихъ опредѣленный образъ, опредѣленную мысль. Они чувствуютъ, что учиться по этой книгѣ легко и пріятно: они не остаются пассивными, а сами, подъ руководствомъ учителя, въ доступной для нихъ мѣрѣ участвуютъ въ усвоеніи знаній. А такой путь пріобрѣтенія знаній, сопровождаясь дѣятельностью душевныхъ силъ, вызываетъ интересъ учащихся. И они любятъ «Родное Слово», какъ раньше любили самую лучшую свою игрушку.

«Родное Слово» годъ 2-ой настолько же по своему содержанію занимательно для дѣтей, какъ и 1-ый годъ. Статьи, стихотворенія, загадки, пословицы, а равно и вопросы во 2-мъ году «Родного Слова» хотя и болѣе серьезны, чѣмъ въ первомъ году, однако совершенно посильны дѣтямъ, прошедшимъ 1-ый годъ. Вся книга распадается на три отдѣла: 1) «Вокругъ да около», 2) «Времена года» и 3) «Задачи» для устныхъ и письменныхъ упражненій, направленныя къ развитію мышленія дѣтей и подготовляющія ихъ къ сознательному усвоенію формъ языка.

Первые два года «Родного Слова» предназначены были авторомъ преимущественно для обученія въ семьѣ и городской школѣ. Для сельской же школы онъ намѣренъ былъ составить новую книгу, и только преждевременная смерть не дала ему возможности осуществить это желаніе. Но достоинства книжекъ «Родного Слова» такъ велики, что книги эти сдѣлались любимыми не только въ семьѣ и городской школѣ, но и въ сельскихъ школахъ

По книгѣ «Родное Слово» годъ третій русскіе учителя впервые познакомились, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей грамматикѣ отечественнаго языка. Грамматика представляетъ собою изложеніе формъ и законовъ

языка. Ребенокъ, говорящій на отечественномъ языкѣ, правильно примѣняетъ формы и законы его, хотя и не сознаетъ этого. Для того, чтобы онъ созналъ употребляемыя имъ формы и законы, нужно, чтобы онъ обратилъ вниманіе на собственную рѣчь и такимъ образомъ подмѣтилъ эти формы и законы. Но самъ онъ не въ состояніи этого сдѣлать, онъ и не подозрѣваетъ даже, что существуютъ формы и законы языка, хотя и употребляетъ ихъ. Тутъ-то является помощь учителя, который обращаетъ вниманіе ученика на собственную его рѣчь и такимъ образомъ подводитъ его къ выводу грамматическаго правила или закона.

Само собою разумѣется, что ученикъ сначала различаетъ болѣе простыя, легко поддающіяся наблюденію, явленія языка, а затѣмъ онъ уже различаетъ и болѣе сложныя формы и законы; сообразно съ этимъ располагается и грамматическій матеріалъ.

Съ этимологическими, синтактическими и орѳографическими правилами и законами ученики ознакамливаются одновременно, попутно.

Остановившись на сказкѣ Пушкина «О рыбакѣ и рыбкѣ», изложенной совершенно простымъ языкомъ, Ушинскій въ своемъ руководствѣ обращаетъ вниманіе учениковъ на строй предложеній и на нужныя грамматическія формы и такимъ образомъ ознакамливаетъ ихъ съ ними.

Кромѣ предложеній, взятыхъ изъ названной сказки, онъ беретъ примѣры изъ обыденной живой рѣчи, а также изъ басенъ Крылова и изъ другихъ произведеній, доступныхъ ученикамъ.

Подмѣтивши въ понятной рѣчи тѣ или другіе грамматическіе законы, тѣ или другія грамматическія формы, ученики никогда не забудутъ ихъ, и знаніе ими отечественной грамматики, такимъ образомъ усвоенное, становится прочною и неотъемлемою собственностью ихъ. Кромѣ того, при указанномъ способѣ обученія грамматикѣ, ученики пріучаются къ самонаблюденію и самосознанію, что очень важно въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніи. «Многія науки», говоритъ Ушинскій,—«обогащаютъ только сознаніе дитяти; грамматика, разумно преподаваемая, начинаетъ развивать самосознаніе человѣка, т.-е. именно ту способность, вслѣдствіе которой человѣкъ является человѣкомъ между животными».

3) Къ «Родному Слову» для дѣтей Ушинскій приложилъ «Руководство для учащихъ». Въ этомъ руководствѣ онъ изложилъ цѣнныя методическія и дидактическія указанія, проникнутыя гуманными идеями и горячею любовью къ русскимъ дѣтямъ. Главная цѣль этой книги — помочь начинающимъ учителямъ и въ особенности матерямъ вести съ пріятностью и производительно для дѣтей трудъ первоначальнаго обученія ихъ. Вотъ, между прочимъ, какія дидактическія указанія даетъ Ушинскій:

«Начинайте ученіе тогда», говоритъ онъ,—«когда замѣтите въ ребенкѣ охоту къ рисованію, способность его сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ, слушать то, что ему говорятъ, и выражаться не отрывочными словами, а полными предложеніями. Поэтому, по свойству дѣтскаго орга-

низма и способностей, можно начинать методическое обученіе въ 7, 8 и даже 9 лѣтъ».

«Не утомляйте ребенка слишкомъ продолжительнымъ ученіемъ. Въ первый годъ довольно будетъ часа поутру и полчаса послѣ обѣда. На слѣдующій годъ можно будетъ прибавить по получасу — полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда; далѣе два часа утромъ и по крайней мѣрѣ до 9 лѣтъ не назначайте выше трехъ часовъ ежедневныхъ занятій. Сначала черезъ каждые полчаса, а потомъ черезъ часъ, давайте полный отдыхъ ребенку — пусть онъ немного побѣгаетъ, порѣзвится и привыкаетъ принуждать себя переходить отъ игры къ дѣлу. Задавать дѣтямъ внѣклассные уроки въ этомъ возрастѣ положительно вредно, и только въ 10 лѣтъ, и то послѣ хорошихъ предварительныхъ классныхъ занятій въ прежніе годы, можно допустить небольшіе уроки внѣ класса».

«Сдѣлать серьезное занятіе для ребенка занимательнымъ—вотъ задача первоначальнаго обученія. Съ первыхъ же уроковъ пріучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствіе въ ихъ исполненіи».

«Чѣмъ болѣе разнообразія въ учебныхъ занятіяхъ и чѣмъ менѣе разнообразія въ учащихъ, тѣмъ лучше для первоначальнаго обученія».

«Дитя мыслитъ формами, красками, звуками, ощущеніями вообще; отсюда—необходимость для дѣтей наглядnаго обученія, которое и строится не на отвлеченныхъ понятіяхъ и словахъ, а на конкретныхъ образахъ, непосредственно воспринимаемыхъ ребенкомъ».

«Школа должна быть», по словамъ Ушинскаго,—«мастерскою гуманности», гдѣ дѣти не только учатся грамотѣ, но, главное, становятся добрѣе, привѣтливѣе, сдержаннѣе. Школа для малолѣтнихъ должна быть проникнута семейнымъ характеромъ».

Для благотворнаго вліянія на учениковъ, учитель долженъ изучать индивидуальныя особенности ихъ, сообразоваться въ своей дѣятельности съ этими особенностями и заботливо относиться къ нуждамъ дѣтской души.

Чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится учитель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ знаній.

Въ хорошей школѣ ученики путемъ самодѣятельности пріобрѣтаютъ знанія, а учитель лишь руководитъ ихъ самодѣятельностью. Все школьное ученіе и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумнымъ, религіознымъ и нравственнымъ элементомъ. «Въ школѣ должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дѣла въ шутку, ласковость, справедливость, доброта, порядокъ и, главное, постоянная разумная дѣятельность».

«Въ школьной скукѣ скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемѣрія, обмановъ и т. п. школьныхъ пороковъ. Уничтожьте школьную скуку—и вся эта смрадная туча, приводящая въ отчаяніе учителя, отравляющая свѣтлый потокъ дѣтской жизни, исчезнетъ сама собою».

«Въ старой школѣ дисциплина была основана на самомъ противоестественномъ началѣ—на страхѣ къ учителю, раздающему награды и наказанія. Въ разумно устроенной новой школѣ наказаній за лѣность быть не можетъ, потому что уроки выучиваются въ классѣ; наказаній за шалости — также, потому что дѣти заняты и шалить имъ некогда».

Вотъ, между прочимъ, какія гуманныя идеи Ушинскій прекрасно развилъ и обосновалъ въ своемъ руководствѣ для учащихъ. Идеи эти положены въ основаніе новой педагогики.

4) Для занятій учениковъ, прошедшихъ уже «Родное Слово» г. 1-ый и 2-ой, предназначены Ушинскимъ двѣ части «Дѣтскаго міра». При составленіи этого руководства Константинъ Димитріевичъ исходилъ изъ той мысли, что классная книга для первоначальнаго чтенія должна преслѣдовать общеобразовательныя цѣли, что она должна стать средоточіемъ всего элементарнаго курса и подготовлять дѣтей къ усвоенію научныхъ знаній.

Каждая часть «Дѣтскаго міра» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Второй отдѣлъ представляетъ собою хрестоматію, составленную изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей. Большая часть статей перваго отдѣла составлена самимъ Ушинскимъ.

Кромѣ образовательнаго значенія, «Дѣтскій міръ» имѣетъ важное воспитательное значеніе. Знакомясь по «Дѣтскому міру» преимущественно съ родиной, ученики невольно проникаются чувствомъ любви къ отечеству; знакомясь же по нему съ окружающимъ міромъ, они пріучаются смотрѣть на послѣдній, какъ на чудное твореніе Творца, что способствуетъ воспитанію въ нихъ религіознаго чувства.

При разнообразіи содержанія, въ книгахъ «Дѣтскаго міра» выдержана система, дающая возможность ученикамъ объединять содержаніе однородныхъ статей.

Благодаря своимъ достоинствамъ, «Дѣтскій міръ» нашелъ себѣ мѣсто не только въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ предназначенъ авторомъ, но и въ народныхъ школахъ, — и въ послѣднихъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ немъ («Дѣтскомъ мірѣ») помѣщены статьи историческія, географическія и естественно-историческія, дающія возможность ученикамъ этихъ школъ пріобрѣтать нужныя имъ знанія изъ этихъ предметовъ. И такое пріобрѣтеніе дается имъ безъ особеннаго труда, такъ какъ каждая статья написана просто, интересно и совершенно правильнымъ и понятнымъ для учениковъ языкомъ.

5) Если бы Ушинскій не составилъ ничего болѣе, кромѣ «Родного Слова», «Приложенія» къ нему и «Дѣтскаго міра», то и этого было бы достаточно, чтобы имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ каждой школѣ и каждому учителю. Но онъ поднялъ небывалый еще у насъ трудъ составленія педагогической антропологіи, предназначенной служить учителямъ и воспитателямъ для изученія человѣка, какъ предмета воспитанія.

Выходя изъ той несомнѣнно вѣрной мысли, что для изученія педагогики необходимо быть знакомымъ съ душевною и органическою жизнью человѣка, Ушинскій, прежде чѣмъ приступить къ составленію руководства по педагогикѣ, рѣшилъ составить педагогическую антропологію. Живя за-границей, онъ внимательно изучилъ выдающихся древнихъ и новыхъ мыслителей, философовъ, психологовъ, физіологовъ и собственно педагоговъ и въ своемъ сочиненіи «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» сводитъ мнѣнія различныхъ авторитетныхъ лицъ о томъ или другомъ вопросѣ психологіи или физіологіи. Изъ такого свода и вытекаетъ рѣшеніе соотвѣтственнаго психологическаго или физіологическаго вопроса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предоставляетъ самому читателю сдѣлать нужные выводы изъ сопоставленія приведенныхъ въ книгѣ мнѣній. Во всей книгѣ авторъ на ряду съ приводимыми мнѣніями и мыслями ученыхъ и мыслителей приводитъ примѣры, вынесенные изъ тонкихъ личныхъ наблюденій надъ собственною духовною дѣятельностью и надъ жизнью и дѣятельностью другихъ людей, что придаетъ сочиненію огромный интересъ и живость. На ряду съ изложеніемъ психическихъ явленій идутъ мѣткія указанія на практическіе выводы относительно воспитанія и обученія дѣтей. Авторъ нигдѣ не упускаетъ изъ виду главной цѣли своего труда—разсмотрѣнія человѣка, какъ предмета воспитанія, и это дѣлаетъ книгу Ушинскаго особенно цѣнной для учителей и воспитателей,—тѣмъ болѣе, что она изложена живо и во многихъ мѣстахъ всецѣло захватываетъ вниманіе читателя.

Весь трудъ задуманъ былъ авторомъ въ трехъ томахъ. Въ первомъ томѣ разсматриваются физіологія человѣка и явленія умственной дѣятельности. Во второмъ томѣ разсматриваются чувствованія и воля. Въ третьемъ томѣ авторъ намѣренъ былъ изложить психическія явленія высшаго порядка и привести въ систему тѣ педагогическіе выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнныхъ явленій физическаго организма и души человѣка. Матеріалъ для этого тома былъ заготовленъ, но, какъ сказано, ему не суждено было явиться въ печати: смерть постигла автора ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ издать его.

Въ вышедшихъ двухъ томахъ антропологіи русскій педагогическій міръ имѣетъ если не полное изображеніе душевныхъ явленій человѣка, то обстоятельное указаніе пути для изученія этихъ явленій.

Разсмотрѣвши педагогическіе труды Ушинскаго, нельзя не повторить словъ педагога Д. Д. Семенова: «Если весь славянскій міръ гордится Я. А. Коменскимъ, Швейцарія—Песталоцци, Германія—Дистервегомъ, то мы, русскіе, не забудемъ, что среди насъ жилъ и училъ К. Д. Ушинскій!»

Сочиненія К. Ельницкаго.

Изданія Д. Д. Полубояринова:

1. **Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ.** Ц. 80 к.
   Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. (1899 г. № 10431). Допущено Собственной Его И. В. Канц. по учрежд. Императрицы Маріи. (1899 г. № 11117). Допущена Уч. Комит. Министерства Земледѣлія и Государст. Имущ.

2. **Методика начальнаго обученія отечественному языку.** Ц. 75 к.
   Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. допущена въ качествѣ *руководства* для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается методика начальнаго обученія русскому языку. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. іюль; 1901 г., № 22242). Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учит. библ. народн. учил. (Ж. М. Н. Пр. 1893 г., ноябрь). Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. при С. Е. И. В. Канц. реком. для уч. библ. Вѣдомства (№ 12998, 1878 г.).

3. **Общая педагогика.** Ц. 75 к.
   Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущена въ учит. библ. народн. учил. и какъ учеб. пособіе въ тѣхъ учебн. завед., гдѣ преподается педагогика. (Ж. М. Н. Пр. 1890 г., окт. и № 15201, 1890 г.). Одобрена Учебн. Ком. при Собств. Его Императорскаго Величества Канцел. по учрежден. Императрицы Маріи. Допущена Главн. Управл. военно-учебн. завед. (№ 30, 1894 г.).

4. **Курсъ дидактики.** Ц. 75 к.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ качествѣ *учебнаго руководства* для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также и въ ученическія библіотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ Министерства. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г., январь; № 3048, 1901 г.). Рекомендованъ Главн. Управл. военно-учебн. завед. (№ 30, 1894 г.).

5. **Очерки по исторіи педагогики.** Ц. 75 к.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ *учебнаго руководства* для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также и въ ученическія библіотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ Министерства. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г., январь; № 3048, 1901 г.). Рекомендов. Главн. Управл. военно-учебн. зав. (№ 30, 1894 г.).

6. **Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія.** Ц. 60 коп.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебника для учительск. институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., окт. и № 12403, 1895 г.).

7. **Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ.** Ц. 20 коп.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учительск. библіот. начальныхъ училищъ. (Ж. М. Н. Пр. 1894 г.; № 6276, 1894 г.).

8. **Очерки по исторіи Омской женской гимназіи.** Ц. 1 р.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для библіотекъ женскихъ гимназій. (№ 11057, 1889 г.). Учебн. Ком. при Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежден. Императр. Маріи допущена для пріобрѣтенія въ библіот. Вѣдомства. (1888 г., № 18036).

9. **Янъ Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи.** Ц. 20 к.
   Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для старшихъ классовъ ученическ. библіот. мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для педагогическихъ классовъ женск. гимн. и для библ. городск. училищъ. (№ 7498, 1894 г.).

Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ. Ц. 40 к.
   Рекомендована Главн. Управл. в. уч. зав. для двухъ старшихъ классовъ и для библ. кад. корп. (№ 30, 1894 г.). Допущена Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ.

11. **Сборникъ поэтическихъ произведеній.** Ц. 45 к.
Допущенъ Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ. Рекомендованъ Главн. Управл. военно-учебн. заведен. для фунд. и ротныхъ библіот. кадетскихъ корпусовъ. (№ 30, 1894 г.).

12. **Учебникъ теоріи словесности.** Ц. 75 к.
Учебн. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежден. Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій. (1888 г., № 3000). Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ допущенъ къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи теоріи словесности. (1888 г., № 42).

13. **Инородцы Сибири и Среднеазіатскихъ владѣній Россіи.** Этнографическіе очерки. Учебное пособіе. Ц. 1 р.
Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученическихъ средняго и стараго возраста библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. (1895 г. № 12403).

14. **Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ со сборникомъ стихотвореній и басенъ.** Ц. 1 р. 50 к.

15. **К. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды.** Ц. 25 коп.

Изданія К. И. Тихомирова:

16. **Избранныя педагогическія статьи.** (Изд. „Педагогическ. библіотек.“). Ц. 2 р. 50 к.
Рекомендована Главн. Упр. в. уч. завед. (1897 г., № 19). Допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. (1896 г., № 15082).

17. **Характеристики дѣвочекъ.** Ц. 75 к.
Рекомендована Главн. Упр. в. уч. зав. (№ 30, 1894 г.). Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ библіотеки средн. учебн. завед. мужскихъ и женскихъ, а равно и учительскихъ институтовъ. (1896 г., № 15082). Допущена Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канцеляріи.—Включена въ каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

18. **Планы уроковъ по законовѣдѣнію.** Ц. 15 к.
Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущена въ ученическ. библіот. сред. учебн. завед. старш. возраста. Учен. Ком. Мин. Земл. и Госуд. Им. допущ. въ учит. библ. учил. (№ 4686, 1895 г.).

19. **Основы законовѣдѣнія.** Ц. 50 к.
Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. средн. учебн. завед. для старш. возр.—Учен. Ком. Мин. Земл. и Госуд. Имущ., въ виду хорошаго изложенія предмета, допущена для пользованія учителей въ библіот. земледѣльческ. училищъ. (№ 4686 1895 г.).—Включена въ каталогъ книгъ для безплатныхъ народн. читаленъ.

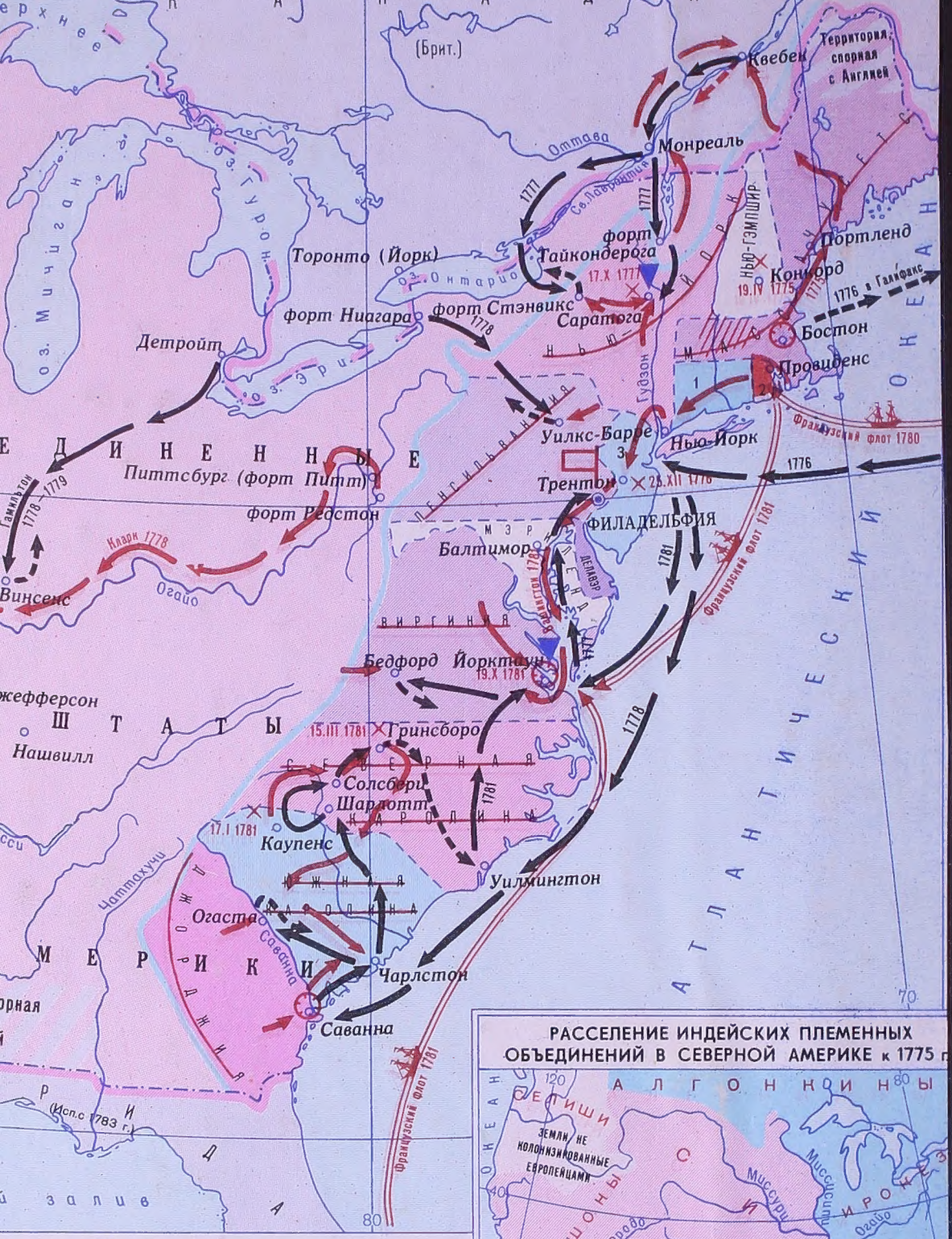
Издан. журн. „Родникъ“ и „Восп. и Обуч.“:

20. **Начальный курсъ географіи.** Ц. 30 к.

21. Два выпуска „**Характеристикъ**“. Ц. 30 и 40 к.
Допущ. Учен. Ком. М. Н. Пр. и реком. Гл. Упр. в. уч. завед.

22. **Привычки; ихъ значеніе и воспитаніе.** Энцикл. сем. воспит. Ц. 30 коп.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. Пушкина № _____



РАССЕЛЕНИЕ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ к 1775 г.

СИУ Крупнейшие индейские племенные объединения

Английские колонии Испанские колонии

Масштаб 1:60 000 000